

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-30-83
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6. Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездиковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

С 1 мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.,
на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 14. Понедельник, 22 июля 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

„УСТРАНЕНИЕ ЛИШНЕГО“

О „НЕВЕСТЕ“ А. П. ЧЕХОВА

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции», — говорил и не напрасно А. Чехов. Инкриминирование критикой писателю всяческих намерений, чувств и мыслей особенно заметно в критической литературе о Чехове.

Помясь в открытую дверь, доказывают часто, что Чехов не примирился с житейской пошлостью (как будто истинный художник способен на это), что Чехову все общественное не было чуждо, и другие стертые пятаки критического глубокомыслия. Это особый вид «инкриминирования», со знаком минус. Но много можно найти примеров и со знаком плюс, когда «находят» то, чего не было в его произведениях. Совсем недавно, например, Чехова настроили на особый мажорно-прекраснодушный тон, до неузнаваемости искаживший художественный образ писателя. И тот и другой виды «инкриминирования», конечно, «оба хуже».

Разве не стремлением к художественному правдоподобию руководится художник, когда он ищет своего последнего слова в произведении? И не в этом ли заключается сравнительно-возможная «тенденция» его намерений? Черновые рукописи, оставшиеся в незначительном количестве после Чехова, многое в этом отношении могут сказать и показать. Апелляция к первоисточникам — счастливая возможность, и стоит ею воспользоваться, чтобы почувствовать себя свободным от всяческих вымыслов, тенденций и штампов, ватемняющих облик Чехова. Наиболее ценный, из опубликованного, материал — это черновой автограф (по своей законченности его можно считать вариантом) последнего рассказа Чехова «Невеста» и, отчасти, небольшие записи о нем же в «Листке из блокнота» *).

Что любопытного и показательного в этом автографе по сравнению с печатным текстом «Невесты»? Мы увидим, как А. Чехов, очень взыскательный художник, ради художественного правдоподобия и художественной целесообразности (понятия осуществимые), исподволь и настойчиво работал «ножницами» (вспомним советы Флобера, Мопассана, Франса), обрезая лишние углы в рассказе, как он внимательно разглаживал всю ткань произведения, выравнивая и сводя к некоему центру многочисленные линии «Невесты».

Такая обработка, которую можно назвать художественным прессованием материала (А. Ф. Кони, в V томе «На жизненном пути», говорит, что в художественной манере Чехова есть «та *elimination du superflu*, т.е. **устранение лишнего**, которая так блестяще достигнута братьями Гонкур, Додэ и Мопассаном», — стр. 175), несомненно, питалась и как-то соответствовала состоянию духа самого Чехова в последние годы жизни. Известная доля, хотя и беспокойной, примиренности с «серенькой заурядной» жизнью толкала писателя к **сглаживанию** острых положений. Поиски художественно-жизненной гармонии, приведение обертон в созвучие с основным тоном — вот к чему свелась работа Чехова над окончательным текстом «Невесты». Приведем ряд примеров, которые помогут нам избежать чтения «между строк».

1. Надя, «живая, веселая, покинула город — как полагала, навсегда» — так читается конец последней фразы рассказа. Уже одно это проблематическое, «как полагала», говорит о смутном, к себе обращенном, предостережении, что Наде предстоит испытания, что «располагать» будет не она сама и ее желания, а реальная жизнь, всегда жестокая, обманчивая. Только в такой осторожной форме и могла недавняя «невеста» почувствовать наступление тревог. Во всяком случае, ее аффективно-мечтательная натура не могла предвидеть будущего так обязательно и уверенно, как это было — по замыслу Чехова — вначале: «беспокойство останется до конца дней, куда бы судьба не занесла»... Ради сохранения всех оттенков характера и возраста Нади Чехов и прибег к этому приему психологического сглаживания.

В печатном тексте все смятения Нади перед замужеством, ее душевная борьба, ее поиски выхода из положения, раздумья о своей судьбе и пр., сведены к возможному минимуму. Чехов исключительно скуп на выражения этого смятения, ибо длительный «самоанализ» Нади неизбежно, в силу закона психологического торможения, предостерег бы ее от бегства из дому. Не то было в черновом автографе: все подспудное, неосознанное находилось на поверхности, как бы демонстрируя глубину Надиных переживаний. Бурный же поступок «невесты» требовал именно тихой подготовки, с неожиданным разрядом. Художественно-естественное правдоподобие, как и в первом случае, было найдено и закреплено отсечением ненужностей.

Чистота, порывов Нади, ее тяга к светлосту, к освобождению не были бы так выпуклы и разительны, — ведь на этом построена фабула рассказа, — если бы Чехов частично не выбросил то сугубо-житейское и мелочное, что подмечала Надя в своем быту (отец жениха не платит извозчикам и пр.). Вторжение этих «деталей» совсем приземлило бы образ Нади, и так уже достаточно наполненный взрывчатым материалом. Энтузиастка Надя легче и свободнее должна была воспринимать, так сказать, субстанцию пошлости, чем подмечать внешние проявления ее.

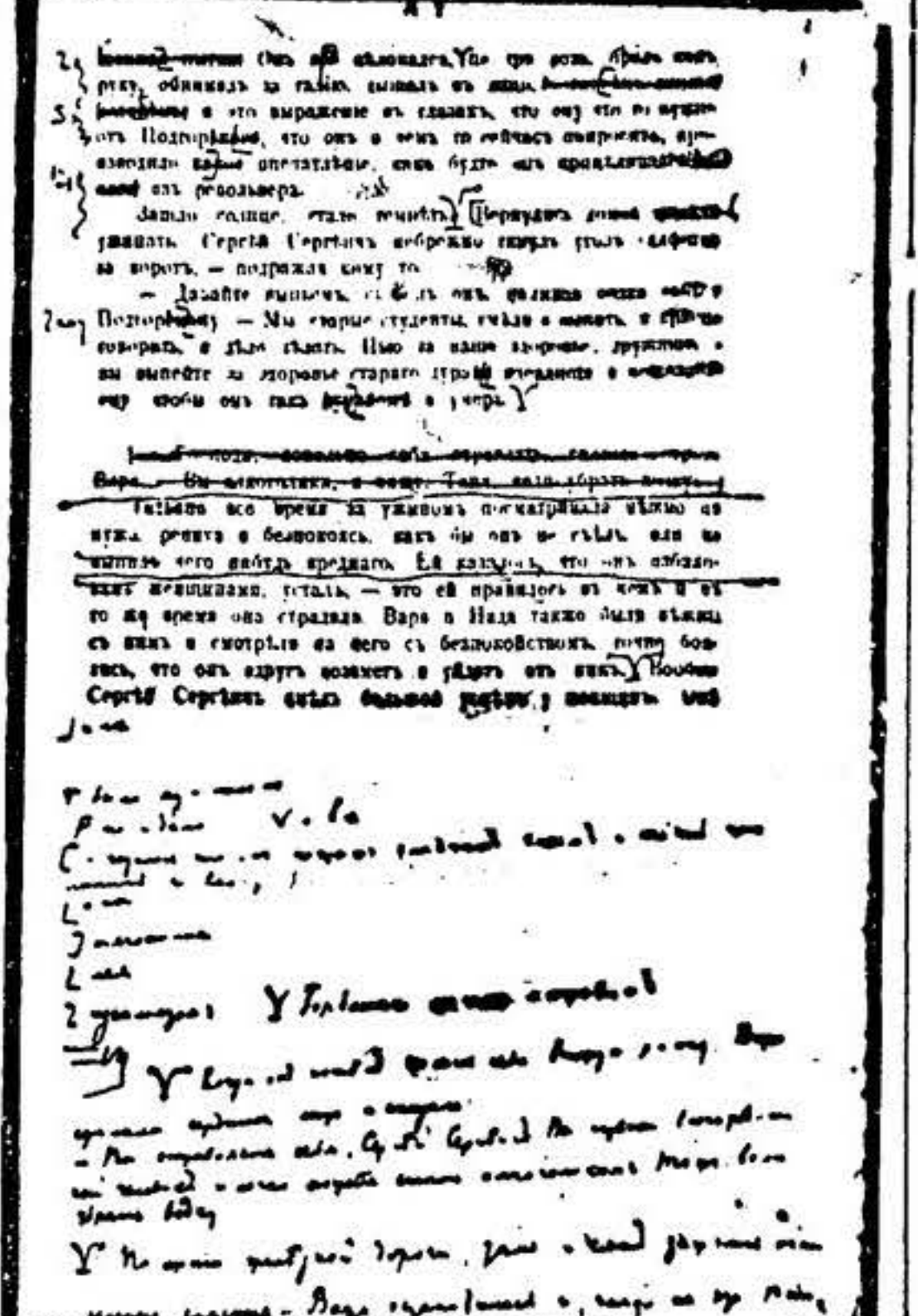
Умиравший Саша, ее бог и соблазнитель, кому она была обязана всем своим перерождением, должен был повергнуть Надю в страшное смятение и ужас. Но Чехов остро подметил, что

после Петербурга Надя уже не та прежняя провинциальная спутница провинциального Саши («предостережение о будущем сказало!»), которая доверчиво поддавалась внушениям своего Мефистофеля. Другая черта — Надяных чувств («ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саши не волновали ее так...») находил свое глубокое и естественное оправдание также и в том, что она сознает в себе эту перемену. Роль Саши ведь кончилась. Надя же продолжается. Такого эпического, чистой волею писателя добытое, разрешение коллизии.

А несколько лучше и остроумнее, сравнительно с черновой рукописью, показана любовная, восклицательная, пошлость жениха: он «безумствует от восторга!» В печатном тексте Чехов одним образом — представлением уничтожает весь пиетет жениха: Надя вспоминает, что она «читала где-то... в романе» об этом «безумстве!» Одной фразой достигается наибольший эффект.

2. Саша — тип «вечного студента» (он некоторым образом напоминает студента Трофимова, а Надя — Аню из «Вишневого сада»). Вся его нигилистическая перьяшная фигура прекрасно бы гармонировала с широким к богемной жизни, к пьянству и пр. В черновике таков он и есть (явные намеки на хвастовство, пьянство). Но ведь сей тщедушный мефистофель, толкнувший Надю на разрыв с семьей ради светлых чаяний, по своей роли в рассказе — положительное, симпатическое лицо. И вот выбрасывается многое, что могло очернить Саши и, наоборот, вставляются замечания о нем: «и все-таки красивый»... Так, между жалостью, гордостью и отвращением к этому человеку Чехов нашел что-то среднее, но простое и убедительное по своему художественному правдоподобию.

Речь Саши о своем будущем попутчике по Волге — безымянном мистике и о самом себе — нигилисте выброшена. Вторгшийся в лирический рассказ откровенный публицистический мотив Чехов решительно отсек (как часто он мирился с ним в других своих произведениях!). Писатель увидел, что изобра-

Авторская правка корректуры

А. П. Чехова.

жение современности вовсе не нуждается в заискованном перце, что, мало того, эта приправа только отяготила бы и лишила рассказ его общего смысла, заключающегося в характеристике безрассудной и прекрасной в своей безрассудности **молодости**.

3. Провинциальный дэнди — жених Нади, носящий в себе многие, предварительные черты бытового, мелочного и гнусного декаданса, уже не словами Саши (как это в черновике), а своими собственными устами и удивительно к месту, изрекает себе приговор в такой великолепной тираде: «О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!». Блестящ этот самоуничтожающий жест жениха, убивающий в Наде, больше чем картина с нагой дамой, всякое уважение к своему «нареченному».

Еще более к месту проделана и другая операция с женихом. Течение событий было бы далеко от правдоподобия, если бы был оставлен эпизод с посещением женихом Надиного дома после ее бегства. Мог ли он пренебречь учиненным Надей скандалом на весь город, над его именитым именем, т.е. быть рыцарем, верным своей прекрасной даме? Не мог, ибо, не показана нигде в рассказе (кроме «безумства от восторга») его любовь к невесте. Чехов сцену эту выбросил. Зато ввел прямо противоположную, перенес черты благородства с жениха на Надю: дразнящий, оскорбительный крик мальчишек по адресу Нади: «Невеста!» девушка переносит стонически (второе «предостережение» жизни...).

На этом и остановился. Заметьте: как легко, при добром желании, увидеть в этих купюрах и заменах всевозможные «тенденции» Чехова. Можно было бы привести и другие — схожие и противоположные по своему происхождению — примеры (штриховка образов матери и бабушки Нади), но и из приведенного видно, как достигал Чехов своей цели, и что поиски художественного правдоподобия играли важнейшую роль в создании рассказа.

А. П. Чехов старался прежде всего освободить свой рассказ от балласта. Конечно, это выбрасывание материала он делал, руководствуясь требованиями своего разума и чувства, которые были воспитаны его временем и его социальной сущностью, но отсюда еще далеко до некритического «инкриминирования»...

Н. Замошкин.

*) Опубликованы в сборнике 2-м «Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина», М. 1928—1929, Е. Н. Коншина «Из литературного архива А. П. Чехова».